

Каценеленбаум Борис

**НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ**

А. Мальчик в цирке

*И сказал Господь Бог: вот,
Адам стал как один из
Нас, зная добро и зло; и
теперь как бы не простёр
руки своей, и не взял
также от дерева жизни, и
не вкусил, и не стал жить
вечно*

Библия.

Более полувека тому назад, в августе 1939 года, в провинциальном городе одной небольшой Европейской страны произошли странные события. Местная газета писала о немотивированных погромах, поджогах, вандализме, об убийствах, приписывая их борьбе каких-то преступных групп. Погибло более десяти человек, были сожжены несколько домов. Потом всё как-то сразу кончилось. События эти были скоро забыты, начались другие события, в которых число жертв исчислялось миллионами и о которых писали все газеты мира.

По причинам, которые я не хочу сейчас уточнять, я попытался восстановить обстоятельства старой трагедии, случившейся задолго до моего рождения. Мне повезло; я нашёл трёх стариков, которые тогда, молодыми людьми, оказались в центре событий. Тогда их судьбы были тесно переплетены. Теперь они жили в разных городах и ничего не знали друг о друге. Они находились в различных стадиях

неустроенности и одиночества и – все трое – согласились прислать мне свои воспоминания о том времени.

Я оказался владельцем трёх писем, трёх отчётов, написанных тремя участниками одной драмы. Как в знаменитом японском фильме, я увидел одну и ту же историю глазами трёх людей. Все три письма я привожу без купюр, опуская только благодарность за присланные деньги и жалобы на одиночество.

1. Богоборец

В библейском сказании об изгнании первых людей из Рая меня с юношеских лет смущал один пункт. Бог изгнал людей, чтобы они не вкусили плодов с дерева жизни. Почему он так поступил?

Я считал, что человеческая логика применима всегда и достаточно, чтобы всё объяснить. Замечу, что я продолжаю так думать, хотя мой собственный опыт, о котором я сейчас расскажу, этому кажущимся образом противоречит.

Бог не мог бояться людей, даже если бы они стали бессмертны; не мог он им и завидовать. Их не за что было наказывать, так как они не знали, что существует зло. Единственная причина изгнания – Он боялся за них. Убедившись на опыте с безобидным деревом добра и зла, что люди непослушны, Он лишил их возможности вкушать плоды дерева жизни. Чем бы это им грозило?

Мои религиозные наставники не принимали моих вопросов. Да и я не придавал им особого значения и не предполагал, что попытка найти

ответ определит мою судьбу.

По просьбе отца, профессора богословия, я решил не заниматься ни богословием, ни философией, а поступил на медицинский факультет. Мне повезло, я стал учеником крупного учёного, биолога и ботаника. Он занимался вопросами старения, экспериментировал с растениями и животными. Здесь не место писать о научных проблемах, работы его опубликованы и известны специалистам. Он считал, что в начале жизни любого животного заводятся – на некоторое определённое время – "биологические часы". Когда завод кончается – животное умирает. И, главное, что несложными опытами можно узнать время, когда часы остановятся. Эта возможность была им экспериментально доказана на нескольких животных. Он был уже стар; тяжело заболев, он передал мне эти работы, посоветовав делать опыты с другими животными. Он ни разу не говорил о работе с людьми, хотя эта идея лежала на поверхности.

После его смерти я решился. Не очень отчётливо, но я понимал, что это – большой риск. Это оказалось безумным риском. Я уехал в маленький город, начал там работать врачом. Это давало мне и средства к существованию, и возможность продолжить исследования моего учителя, но уже с людьми.

Мне было 23 года, у меня не было семьи, не было и друзей, хотя я и не избегал обычных знакомств. Чаще других моими собеседниками были два очень разных человека, мои соседи. Один был парикмахер, он стриг меня, а я лечил его маленького сына. Человек простой и нравственно сильный, он был мне интересен своими

суждениями. Меня привлекала в нём его уверенность, определённая. Обычно такие одномерные люди неприятны, но мой парикмахер никого не осуждал, не навязывал своё видение жизни.

Мы разошлись с ним, даже поссорились, когда я неосторожно затеял разговор на религиозную тему. К религии, к её законам он относился с абсолютным доверием, как к государственным законам. А потом он едва не убил меня.

Другой мой хороший знакомый, тоже старше меня на несколько лет, был художник или поэт, точно не помню. В молодости, впрочем, все поэты. Он был из богатой семьи. Его религией было жизнелюбие. В его жизнерадостности – основном его свойстве – было что-то детское. Он часами мог говорить о своей невесте, о своих стихах и рисунках, и, вообще, о том, как всё хорошо в этом мире, который, по его выражению, ему удалось посетить. Вероятно, и в нём меня привлекала простота, ясность. Этого человека едва не погубил я. Я стоял перед тяжёлым решением, боялся его, был неуверен в себе, и оба мои собеседники, с их простым пониманием жизни, были мне приятны.

Я начал эксперименты с людьми и научился определять время, отведенное человеку для жизни. Это было почти очевидное развитие открытия моего учителя. Человек, разумеется, может умереть раньше своего предельного срока, заразившись тяжёлой болезнью или попав в аварию. В моём предсказании не было ничего мистического. Биологические законы делают невозможной лишь жизнь человека после этого

срока.

Прыжком в пропасть оказалось моё решение сообщать людям, которые этого пожелают, результат анализов – кстати, весьма несложных. Несколько капель крови три раза, после приёма определённых препаратов – больше ничего не требовалось.

Боги бессмертны, рассуждал я. Животные смертны, но они не знают ожидания смерти. Человек – между богом и животным – смертен и знает об этом. Это знание ему по силам, оно не делает его жизнь бессмысленной или несчастной. Как поведут себя люди, зная ещё и предел своей жизни? Это знание есть шаг от животного к Богу. Именно это знание и давали плоды дерева жизни – так я понял тогда библейскую легенду.

Юное человечество нельзя было нагрузить этим знанием, оно было для него слишком тяжёлым. Взрослому человечеству эта ноша под силу, оно может стать обществом разумных людей. Привыкнув преклоняться перед возможностями человеческой логики, я надеялся и на умение каждого человека следовать этой логике. Если бы мой опыт не был насильственно прерван, человечество сделало бы ещё один шаг от животного к Богу – или, по крайней мере, к человеку разумному.

Я предложил нескольким моим знакомым проделать анализы и узнать свой предельный возраст. Почти все охотно согласились и с очевидным недоверием приняли свои даты. Среди немногих отказавшихся был мой сосед парикмахер. Обычно спокойный, он отказался очень резко, сославшись, к моему удивлению, на то же библейское сказание, хотя формально в нём

обсуждалась другая ситуация. К запретам Бога он относился не менее серьезно, чем к запрету продавать в парикмахерских спиртные напитки. С видимым удовольствием и с необидными шутками согласился другой мой знакомый, поэт.

Я испугался, когда получил результаты анализа для двух совсем молодых людей, ещё школьников. Оба они должны были умереть, почти одновременно, через несколько недель.

Третьим, ещё примерно через месяц, должен был умереть поэт.

Почему-то судьба распорядилась так, что первые смерти ждали молодых. Когда мальчики неожиданно начали жаловаться на упадок сердечной деятельности, я отказался их лечить; я боялся внести – невольно, разумеется, нечёткость в опыт. Их лечил другой врач. Оба они умерли в указанные дни.

Первые дни после второй смерти я ничего не заметил. Я лишь почувствовал, что все "знавшие" как будто избегают меня. А через несколько недель началось то, что было видно всем, о чём писали газеты. Толпа "знавших", под предводительством этого поэта, безобразничала, разрушала и жгла. Волна вандализма захлестнула наш провинциальный город, в котором раньше разбитое стекло магазина было сенсацией. А потом пришли эти страшные сутки, когда какая-то вооруженная банда разрушила мою лабораторию, похитила список людей, которые согласились на этот опыт, и методично расстреляла их. Всех, кроме этого поэта. С ним произошло что-то непонятное – он не умер в назначенный срок. Я думаю, это была моя ошибка при проведении анализа, или, может быть, он неаккуратно

принимал соответствующие препараты.

Я случайно избежал смерти и уехал из этого города, который я захотел превратить в сад, где растёт и плодоносит дерево жизни. У меня нет обиды на людей, которые сорвали мою попытку проделать этот опыт – ни к тем, кто разрушал, ни к тем, кто убивал разрушавших. Но если жив поэт, я хотел бы встретить его и задать ему вопрос: «Считает ли он, что этот маленький шаг к разумности неизбежно ведёт к безумию?»

2. Меч

Уже много позже всей этой истории я увидел в кино фильм о том, как в Австралии, на единственном континенте, на котором люди ещё не погибли от радиации, ждут дня, когда радиоактивное облако придёт к ним, и они все умрут. И ожидая смерти и зная, когда она наступит, люди не потеряли своего человеческого достоинства. По мнению авторов фильма, они будут спокойно жить своей обычной жизнью и даже будут спокойно стоять в очереди за таблетками, облегчающими смерть. Этот фильм лжив. Я видел людей, которые знали, когда они умрут; они перестали быть нормальными людьми, стали безумцами.

Но я должен написать о себе. Я родился в семье парикмахера, и оба мои деда были парикмахерами. Я помогал отцу, а когда вырос и женился, он передал дело мне. Я неплохо учился, был, как и мои родители, религиозен. Никогда я

особенно не думал о смерти. Мне приходилось, конечно, хоронить родных и знакомых, иногда даже молодых. Я относился к смерти как к событию печальному, но неизбежному. Я был счастлив в семье, любил жену и сына. Всё было просто и ясно в моей жизни.

В городе появился новый врач. Он поселился недалеко от меня, ходил ко мне стричься, лечил моих домашних. Мы не были дружны, он не любил нашей компании, но держался просто, хотя и был образованный человек, и иногда мы с ним запросто разговаривали за кружкой пива.

Разговаривать с ним было интересно, хотя в нём было что-то неприятное. Он всё хотел объяснить – самые простые вещи, которые надо просто принимать, как они есть. Всё время его как будто что-то мучило, мешало спокойно жить, лечить людей и по вечерам пить пиво. Он задавал какие-то ненужные вопросы.

Однажды он спросил меня, зачем я живу. Я спокойно объяснил ему, что людям надо работать, содержать семью, растить детей. Что в этой парикмахерской работали мои дед, отец, будут – я надеюсь -работать мой сын и сын моего сына. Он всё спрашивал, иногда не дожидаясь ответа, перебивая самого себя. Затем спросил, боюсь ли я умереть. «В моей семье мужчины живут долго», ответил я. Он заговорил о чём-то другом. Я подумал, что если человек думает о смерти, ему не

следует становиться врачом.

Этот врач оказался очень дурным человеком. Он задумал и осуществил свои безбожные опыты над душами людей. Как он мне объяснил в нашем последнем разговоре, он хотел сделать людей чуточку разумней. Он так и сказал – чуточку. Я запомнил этот разговор, так как очень рассердился.

«Разве мы разумны» – спрашивал он, не столько, кажется, меня, сколько самого себя – «если не знаем, сколько времени будем гостями на земле?». Он сказал, что я не закажу ещё кружку пива, если знаю, что у меня не будет времени выпить её. Я сам знаю, что никто не сядет ко мне в кресло стричься, если он должен через три минуты уйти. Потом он как-то незаметно перешёл на Библию и начал рассуждать о том, за что Бог изгнал людей из рая. Он говорил «зачем», а не «за что», как надо говорить. Я поправлял его, спорил с ним. Он говорил о Боге, как о человеке, будто это наш аптекарь, поступки которого он – маленький врач в маленьком городе – может понять и объяснить. Он считал себя судьёй надо всем на свете.

Я не злой человек, хотя мне и пришлось совершить много зла, но я жалею, что не убил его раньше, чем он начал свои опыты. Впрочем, тогда меня просто посадили бы в тюрьму.

Когда он начал говорить людям, сколько им ещё предстоит прожить, над ним только

посмеивались. Он был хороший врач, никто к нему не испытывал зла, и к его предсказаниям относились, как к чудачеству. «Нехорошо врачу отнимать хлеб у гадалок» – говорили ему.

И вдруг – смерть этого первого юноши, почти мальчика. Парень лечился не у него, а то бы подумали, что он его нарочно залечил, чтобы доказать, что его предсказания сбываются. А потом – умер ещё один молодой человек. И – началось.

Я не могу понять, почему здоровые, сильные люди, зная, что они умрут, скажем, через пять лет, в такой-то день, не могут эти пять лет жить нормальной жизнью. Я не понимаю этого даже сейчас, когда стар и знаю, что дни мои сочтены. Дело, может быть, в том, что счёта этого я не знаю. И потому я всегда – и сегодня тоже – надеюсь, что сегодня этого не произойдёт.

А эти, знавшие, они точно сошли с ума и стали как злые и бестолковые дети. Не все, правда. Некоторые продолжали всё же жить своей обычной жизнью; по их поведению не было видно, что с ними что-то произошло. Их имена мы потом нашли в списке у врача. Большинство же как-то объединилось вокруг одного молодого человека, богатого бездельника. Они сначала просто безобразничали, толпой ходили по улицам по ночам, шумели и ломали деревья. А потом начались погромы, просто так, без видимых причин. Они били окна в магазинах и домах, ломали всё, что могли сломать, поджигали дома.

Они смеялись над почтенными людьми и, говорят, даже убивали.

Городские власти растерялись и не смогли защитить нас. И люди, которые хотели защитить своих близких и своё имущество, начали собираться у меня. Мы поняли, что надо действовать самим. Мы убили их всех, по списку, который нашли у врача. Мы тоже были как испуганные, неразумные дети. Я не могу объяснить, почему мы убили также и тех, кто сидел тихо, никому не угрожал – какого-то страхового чиновника, еще несколько человек. Я чувствовал, что они тоже опасны, хотя не знал, чем именно. Мы хотели убить и врача, но он убежал. А потом началась большая война, и всё забылось.

Почему именно я оказался во главе тех наших горожан, которые защищались от погромщиков и поджигателей и в одну ночь расстреляли их всех? Среди нас были важные господа, чиновники, даже отставные офицеры, т.е. люди, умевшие командовать. Но они не поняли, что происходит, и хотели действовать по законам, т.е. арестовать безумцев, судить, посадить в тюрьму. А я чувствовал, что законы тут недостаточны, что этих людей надо убить. И не в наказание и даже не для самозащиты, а чтобы оградить нас всех от какого-то соблазна. Я действовал уверенно, без сомнений.

Мы не убили того молодого богача,

который был зачинщиком всех безобразий. С ним произошла странная вещь. Предсказанный ему последний день совпал с тем днём, когда мы расстреляли их всех. А мы нашли его уже назавтра утром – он, впрочем, не прятался, а просто ходил по городу. Он был жив и так потерян, так испуган, как никто из остальных. Испуган он был не тем, что мы могли убить его, а тем, что пережил свой «последний день». Я помню свой разговор с ним в то утро. Он почти не отвечал на вопросы, был удивлён, когда ему рассказали, как он безобразничал последнюю неделю. И видно было, что он не боится, а хочет понять, что с ним было. Мы отпустили его – мы не мстили, а защищались, а он был уже не опасен.

Я уехал из своего города, бросил семью и дело. Сейчас в моей парикмахерской работает сын моего сына.

Я не жалею о том, что сделал, хотя и не могу хорошо объяснить себе, почему я убивал. Я делал то, что должен был делать. У меня не было надежды, что безумцы привыкнут к тому, что они знают свой срок, и вернуться к нормальной жизни. И люди будут заказывать только столько пива, сколько успеют выпить до закрытия пивной. Если тот врач жив и я бы его встретил, я бы его спросил – верил ли он сам в это тогда, и верит ли сейчас.

3. Жертва

-

Пытаясь понять смысл и внутренние пружины той поразительной пьесы, в которой я участвовал в молодости, и свою истинную роль в ней, я придумал простенькую притчу. Схема её такова: отец привел маленького мальчика в цирк. Как там было весело! Свет, музыка, лошади, клоуны. И вдруг отец говорит: «Через 10 минут мы уходим». Ребёнок уже не смотрит на клоунов, он смотрит только на стрелки больших часов над ареной. Он просит: «Ещё немножко.» «Нет», отвечает строгий отец, «осталось ещё 5 минут. Смотри какие собачки.» Мальчик не смотрит на собачек, он смотрит только на часы. И отец говорит: «Мы уходим. Если хочешь, можешь нажать эту кнопку на ручке твоего кресла – и свет погаснет, музыка замолчит, собачки перестанут танцевать. Но мы всё равно уйдём». Нажмёт ли ребёнок кнопку?

Драма, о которой я пишу, произошла более полувека тому назад в моём родном городе. Развивалась она не по классическим канонам, жизнь не укладывается в триединство, но если привлечь технику античной трагедии и выпустить на сцену хор, то корифей хора сможет рассказать о том, что было до и что будет после, а вся трагедия уместится в одни сутки. Действующие лица – трое молодых мужчин. Женщин и любовных мотивов нет, речь идёт о вещи серьёзной – о смерти.

Первый герой – врач, биолог. Он – пророк, натура поэтическая, творческая, человек

талантливый и одновременно безумно смелый. Он умеет угадывать предельный срок жизни любого человека, который согласится подвергнуться несложному исследованию. Он обиделся бы на слово «угадывать», он искренно считает это наукой. На двух молодых людях, рано умерших, была проверена справедливость его предсказаний. Один раз он ошибся – со мной.

Второй герой – парикмахер. Если не считать Фигаро, я не помню героя с такой профессией. Он прост и жесток. И очень религиозен. Кажущийся движущий мотив трагедии – столкновение двух сильных людей, поэта и прозаика. Истинный мотив мне до сих пор неясен.

Третий участник пьесы – это я. Я, как и первые двое, молод – мне было тогда 25 лет – но, в отличие от них, ещё и богат. Я пишу стихи, рисую, люблю музыку, люблю свою невесту и, вообще, люблю жизнь. Активность моя на сцене – кажущаяся, на самом деле я мальчик из притчи.

Всё началось с того, рассказывает корифей, что врач предложил всем, кто хочет знать предельный срок своей жизни, сообщить им эту дату. Ему не верили, но когда в точно назначенные сроки умерли двое из наших (с женщинами он в эти жестокие игры не играл), ему поверили. Через несколько недель должна была наступить моя очередь.

Тут слово беру я. После смерти мальчиков я поверил, что в день, отмеченный мною в

календаре – или раньше, но не позже – я умру.

Я расстался с невестой – зачем плодить вдов и сирот; уладил свои имущественные дела. Я собирался действовать разумно, как человек на пиру, который хладнокровно рассчитывает, что он успеет съесть и выпить, прежде чем слуги уберут со стола. Я выбрал несколько книг, чтобы перечитать их, отобрал пластинки с любимой музыкой, собрался посетить несколько приятельниц, дружбой с которыми дорожил до помолвки. Я тщательно рассчитал своё время.

И – не стал читать книги, слушать музыку, любить женщин. Размышления Пьера Безухова и сказки летней ночи были мне неинтересны. Бах был скучен. Женщины слишком много говорили. Я сидел дома и читал газеты – занятие глупое всегда, а в моём положении – особенно.

Был август, мягкая погода, прохладные вечера. Раньше я хорошо работал в это время года. Я писал драму в стихах из средневековой жизни и сам иллюстрировал её. Я перечитал написанное. Драма с её страстями, демоническими незнакомцами и рыжеволосыми красавицами показалась мне неинтересной. Именно – не плохой, не безвкусной, там было, насколько я помню, несколько счастливо найденных положений и с десяток хороших рифм – а для меня не интересной, мне не нужной. Я не стал её сжигать, а просто убрал её в стол.

Ко мне стали заходить прежде

малознакомые и даже незнакомые мне люди, которые, как и я, узнали у нашего пророка свою дату. Хотя у многих впереди были ещё годы и годы, они мало отличались от меня, у которого впереди было всего несколько дней. Я видел настороженных, напряжённых, испуганных людей, потерявших интерес даже к своим близким, к детям и женам, неспособных ни к какой методической деятельности. По-видимому, я производил такое же впечатление. Эти мужчины – это первая половина античного хора. Они стали собираться у меня. Мы говорили о пустяках. Это были разговоры людей, безразличных друг другу, но необходимых друг другу. Ощущение душевного дискомфорта становилось для нас менее мучительным, когда мы были вместе.

И постепенно, исподволь, сперва как недоумение, потом – как обида, начал возникать протест. Мальчик в цирке нажал на кнопку. Пусть собачки перестанут плясать, если я всё равно их не увижу!

Мы начали выходить по вечерам на улицы, буйной толпой, сначала ещё не задевая людей, но сознательно нарушая их покой. Затем начались погромы и поджоги. Для горожан мы были просто толпой хулиганов, и непонятно для них было участие в ней почтенных и семейных людей. А скоро в городе стало известно, что нас объединяет.

Тут в действие должен включиться ещё один из героев драмы – врач. Разговор с ним

происходил накануне моей даты. Он пришёл ко мне и спросил, почему я потерял разум. Вопрос не имел форму упрёка, так врач может спросить больного, почему тот хромает. Мои объяснения были, по-видимому, сумбурны, в них содержалась и обида, и зависть, и комплекс «после меня хоть потоп». А врач говорил о Боге, человеке и животном, о разуме, о том, что человек «должен мочь». «Что значит – должен?», спросил я, «почему я должен?» Мой собеседник ответил не сразу. Человек должен нести эту ношу как плату за свою близость к Богу – был смысл его ответа. Я помню свою последнюю реплику, которая в тот момент казалась мне неопровержимой: «Не могу и не хочу!» Он вскочил и крикнул: «Не можете или не хотите?» Центральным моментом всей пьесы было моё молчание. Я не знал ответа.

Затем наступила формальная кульминация. Вторая половина хора, предводительствуемая третьим действующим лицом драмы, парикмахером, убила первую половину хора. В греческой трагедии такое было невозможно, но в конце тридцатых годов XX века это произошло, и не на подмостках, а в партере.

Для меня кульминацией стало следующее утро. Самым страшным – это слово найдено точно, было то, что оно застало меня в живых. Никакие страсти придуманной мной драмы в стихах не были столь сильны, как осознание того, что пророчество оказалось ошибочным и меня

вновь пригласили на пир жизни. Правда, этот парикмахер едва не расстрелял меня, но, узнав по записям врача, которые он похитил, что мой день уже прошёл, он отпустил меня. Я не понимал, какая опасность мне грозила, вообще плохо понимал всё происходящее. Мои душевные силы были истрачены за последние дни. Этих сил не хватило, чтобы сохранить ясность разума до предсказанного мне конца. Пользуясь метафорой врача, можно сказать, что вместо шага к Богу я сделал шаг от Бога.

Дальше слово вновь должен взять корифей. Оставшись на сцене один, он рассказывает, что все три действующие лица покинули этот город, начались их долгие странствия, и будет продолжаться рассказ, не замечая, что зрители давно разошлись и софиты погасли.

Я никогда более не встречал других действующих лиц этой пьесы. Я хотел бы встретить парикмахера, может быть, он ещё жив. Я спросил бы его, зачем он прервал действие, не дожидаясь пятого акта? Чего он боялся?

* * * * *

Эти три письма я получил почти одновременно. Я достаточно богат, чтобы послать старикам деньги и пригласить их собраться, например в том же провинциальном городе одной небольшой страны. Собраться и дать мне совет.

У меня есть возможность повторить тот, почти полувековой давности, опыт. Что думают об этом участники того опыта? Если ещё раз рискнуть, могут ли события развернуться по другому – не трагическому – сценарию?

4. Судья

По просьбе моего внука я прочла три полученных им письма, и его комментарии к ним. Причины, которые он не хочет уточнять, как он изящно пишет, в нашей семье известны. Эти причины – в том, что его дед, отец его отца – это мой первый жених, «поэт и художник». Внук назвал его жертвой – пожалуй, это слово найдено верно. Хотя первой жертвой была я. Я вбежала к нему, чтобы сообщить, что у нас будет ребёнок, сын, – он сразу перебил меня и что-то долго говорил. Я повидимому, ничего не слышала, кроме первой фразы: «Дорогая, нам надо расстаться.» Во всяком случае, ничего кроме этих слов я не запомнила.

Моя дальнейшая жизнь не содержала никаких элементов театральности, о которой с таким пафосом пишет поэт. Мой муж усыновил моего трёхлетнего сына, мы прожили с мужем длинную счастливую жизнь и родили ещё трёх сыновей. «Твоё хобби – рожать мальчиков», шутил мой муж. Сейчас против меня сидит старшая из моих правнучек и делает уроки; она уже ходит в школу. Мы с ней большие приятельницы. Поверяем

друг другу наши маленькие секреты и составляем маленькие заговоры против её мамы и её бабушки. Её отец – «тот самый» мой внук – обычно на нашей стороне.

Я знаю, почему он решил вернуться к тем древним событиям, определившим судьбу его дедушки и бабушки. Он биолог, недавно он получил кафедру – самый молодой профессор нашего столичного Университета. Он давно занимается проблемой биологических часов. Его интересует только естественнонаучная, а не нравственная сторона проблемы, и ему не грозит, надеюсь, несчастливая судьба всех богоборцев, начиная с Прометея. И всё же я боюсь за него. Но отговаривать его не стану.

И не только потому, что желаю ему успеха в его научной деятельности. Я хочу, чтобы этот опыт удался и было доказано, что люди, узнавшие свой срок, могут остаться людьми и не превратиться в неразумных и злых детей. Это – не биологическая проблема, а значительно более сложная, нравственная. О ней я знаю больше, чем мой молодой и самоуверенный профессор, и могу ему помочь.

Я хочу написать о том, свидетельницей чего я тогда была. Я знаю, как эту трагедию воспринимали другие её участники, мои знакомые. Этого не знает поэт, вечный дилетант, у которого всегда всё почти получалось, но ничего не получалось без «почти». Я знаю, что он потом

перепробовал все мыслимые формы творчества, даже пытался создать новую религию – религию радости, соединив традиционализм оды Шиллера с пантеизмом Юрия Живаго и греков – но всё немножечко не доводил до конца. Единственное, что он создал – притча о мальчике в цирке. Произведение в десять строк с открытым концом – на это его ещё хватило. Я рада, что он жив, но, кажется, не хотела бы видеть его; нам нечего сказать друг другу. Мы слишком стары даже для воспоминаний.

Среди тех, кого тогда убила банда парикмахера, было четверо знакомых нашей семьи. Одного из них – он был студент, филолог, как и я, – я знала хорошо, была дружна с ним и с его девушкой. Он и ещё двое вели себя так же, как мой жених – они испугались и прятали свой испуг за хулиганством. Лишь один, самый, как я раньше думала, рядовой человек, служащий страховой компании, остался совершенно спокоен, ходил на службу, несколько раз был у нас в гостях. Бандиты убили и его тоже.

Примерно через неделю после того, как мой жених «отказал мне» (так тогда говорили о прислуге), я разговаривала со студентом. Этот разговор я помню, он помог мне понять моего жениха и, может быть, спас меня от какого-либо необдуманного поступка.

Я спрашивала его, как я знаю теперь, о том же, о чём врач спрашивал поэта: «Почему ты

безобразничаешь?». Примерно так звучал мой вопрос. Ответ был неожиданный: «Я понял, что я не люблю никого, даже свою невесту.» Срок жизни этому парню был отведён большой, кажется, несколько десятилетий. Он говорил сбивчиво, повторяясь, как-то растерянно, будто он узнал о себе что-то постыдное, о чём он раньше не догадывался. «Ты понимаешь» – говорил он – «оказывается, я не люблю никого, кроме себя. В красивой женщине я люблю себя, свой успех, свой победу. В науке тоже. После меня ничего не останется для меня.» Это была его главная мысль, выражал он её, вероятно, другими словами. «Я должен десятилетия ждать конца, думать о нём. И мне не за что зацепиться. В вине и в наших дурацких ночных похождениях я забываю об этом.» Он искал ответа на мой вопрос, который, он и сам себе задавал. Ответ был прост – он не умел любить. Это была и болезнь моего жениха – и я простила его. Зачем обижаться на больного! Он не любил меня и никого он не любил. Для кого же он должен был сохранять покой, имущество и даже жизнь своих сограждан? Мальчик в цирке нажал на кнопку.

Я ближе познакомилась со страховым агентом – с Тем, Кто Не Нажал На Кнопку. В нашем кругу было известно, что он давно и безнадежно влюблён в замужнюю женщину. Он дал мне прочесть свой дневник. Он не испугался потому, что ему было кому завещать этот мир.

Моя правнучка кончает готовить уроки. У неё сегодня тоже было трагическое переживание. Учительница спросила не её, а другую девочку, хотя та подняла руку позже. Я пишу об этом без улыбки. Это не меньшая трагедия, чем та – моя, давняя, и она может так же сказаться на формировании этого человека, как та трагедия сказалась на мне. Она тоже может надолго потерять веру в людей. Я попробую помочь ей забыть эту травму.

Вчера мы с ней пытались читать Пушкина, про старика и рыбку. Что такое невод, которым старик ловил рыбу, и пряжа, которую пряла старуха, мы разобрались, но с корытом не справились. Она не знала, как ловят рыбу и прядут нитки, и легко приняла описание того, как это делают старик и старуха. Но она знает, как стирают, и не может понять, почему старуха не использует стиральную машину. Мы обе замучались, начали сердиться. Её отец посмеивался над нами, но и он не мог объяснить, хоть и профессор, как стирают в корыте. Очень я давно живу на свете – хотя сама я и не стирала в корыте, но всё же видела, как это делают. Пушкин, впрочем, тоже сам не стирал.

Пушкин подробно исследовал феномен эгоизма, дефект психики, состоящий в неумении любить. Он рассматривал его в различных проявлениях. Старуха из сказки и дон Жуан, Алеко и Онегин, Герман и Фауст – все они представляют

разные варианты этой психической неполноценности. Все отражали бы на кнопку, а Фауст даже и нажимает («Всё утопить!»).

Если мой дорогой профессор начнёт свой опыт, то я скажу ему, чтобы он выбирал для него только людей, оставляющих после себя кого-нибудь любимого. И тогда опыт должен удался, т.е не возникает никаких социальных катаклизмов. Начать опыт он может с меня. Кстати, тогда не придётся долго ждать подтверждения точности его методики.

Сегодня мы с правнучкой будем читать про Снежную Королеву. Там – только сказка, нет сложных бытовых реалий, ребёнку всё легко понять. И сказка – не про эгоизм, а про любовь. Девочка поймёт, и ей будет интересно. А про корыто мы обязательно прочтём. Позже. Если успеем.

Б. *Дневник маленького чиновника*

*Я знаю, век мой уж измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с Вами днём увижусь я.*

Пушкин

1. Прембула

Это – моя вторая попытка вести дневник. Первую я не продолжил. В моей жизни события случались редко, записывать можно было только мысли, переживания, а это трудно, так как их трудно сформулировать. По существу, дневник и надо писать, чтобы найти правильные слова и сформулировать мысль; тогда легче понять, как следует поступить.

Начну второй раз. Опять, как в молодости, мне трудно разобраться в своих мыслях. Разброд опять вызван неожиданностью и неординарностью ситуации, в которой я оказался. Строго говоря, я буду писать не дневник; я буду описывать свою жизнь. Именно опыт, который я приобрёл за свои 44 года и позволит мне, я надеюсь, как-то организовать себя и, тем самым, и мир вокруг меня.

Уже заглавие, которое я придумал, есть попытка найти себя. Маленький – значит мелкий, незначительный. Именно таков я в глазах людей, и это меня огорчает. Кстати, роста я не маленького, выше среднего. В молодости я был даже красив, не очень, но всё же красив. И сейчас я довольно представительный мужчина, не лысый, даже не плешивый, чуть начинающий седеть, не толстый, подтянутый. Одеваюсь, разумеется, не дорого, но тщательно. С такой фигурой надо быть не бухгалтером в филиале страховой компании, а по крайней мере управляющим филиалом.

Я – маленький чиновник не в том смысле, как Башмачкин у Гоголя. Я образованный человек,

интеллигент в третьем поколении, и занимаюсь не переписыванием бумаг, а непростой, квалифицированной работой. И беден я не в том смысле, в каком был беден Акакий Акакиевич. Я – современный европейский маленький чиновник, на 100 лет позже и на несколько тысяч километров юго-западнее героя Гоголя. И проблемы мои, хочу надеяться, иные. Кстати, любил ли когда-нибудь Акакий Акакиевич женщину? Или новая шинель была его первой мечтой, страстью и трагедией?

Замечу, что интерес к русской литературе прошлого столетия у меня от одной девушки, невесты моего молодого друга. О нём я ещё напишу, если наконец найду в себе смелость перейти к событиям последних недель. Эта девушка – студентка, славист. Она, по-видимому, серьёзно занимается русскими писателями того времени и не шутя уверяла нас, что несколько гениев (по её мнению – пять), творивших тогда в России, сказали о людях всё, что могли сказать все писатели от Гомера до Хемингуэя. Это, разумеется, преувеличение, хотя то, что я прочёл (к сожалению, в переводе) действительно впечатляет.

Я получил хорошее образование, окончил столичный Университет как математик. Было это в то трагическое время, когда самая жестокая и массовая война с истории человечества находилась в своей самой ужасной фазе. Две своры обезумевших от гнева и страха псов вцепились

друг другу в горло. И в непрерывных судорогах грызли и грызли друг друга, и ежечасно умирали или становились калеками десятки и сотни людей. Вероятно, счёт убитых шел в то время уже на миллионы. Через год одна свора загрызла другую.

Сегодня, как и перед той войной, газеты полны истерических криков. И радио, которого тогда ещё не было, тоже. Утверждается, что ещё несколько недель или месяц – и начнётся новая война, по сравнению с которой та – большая – война покажется дракой двух хулиганских шаек. И название новой войне уже придумали – «Вторая мировая война». Я убеждён, что все эти вопли – всего лишь взаимный шантаж. Новая большая война невозможна, и связано это – как это ни парадоксально – с развитием военной техники.

В конце той войны были реализованы четыре новых способа убивать людей – пулемёт, танк, самолёт, газ. За двадцать с лишним лет, прошедших после неё, талантливые учёные и инженеры усовершенствовали эти способы, а политики обеспечили возможность проверить эти усовершенствования в нескольких малых войнах. И сейчас, в конце тридцатых годов двадцатого столетия, большая война стала невозможной. Страна, начавшая войну, не сможет защитить от ответного нападения свою собственную территорию и свое население. Ни танк, ни, тем более, самолёт остановить нельзя. Большая война теперь окончилась бы не победой и поражением, а

взаимным уничтожением; победителей в ней не будет. Сколь бы ни были безумны правители, чувство самосохранения они не потеряли. Ни один из них не хочет для себя судьбы германского императора или страшной участи русского царя. Поэтому вся сегодняшняя газетная и радиошумиха – это просто брань, за которой прячется нежелание драться. Так что моё поколение проживёт без новой войны. Нам хватит забот с проблемами, порождёнными той войной.

Я как-то инстинктивно ухожу в этих записках от того, что произошло со мной после окончания Университета, и рассуждаю о русской литературе и о мировой политике. А произошло со мною очень простое – я полюбил. Не влюбился, а именно полюбил. И до этого у меня были романтические отношения с молодыми женщинами. Монахом я не был, был молод, здоров, мои университетские занятия оставляли мне достаточно времени и сил на обычную жизнь молодого мужчины. Моими подружками были женщины свободные, а так как я не был богат и никаких особых жизненных перспектив не имел, то эти женщины не собирались связывать свою жизнь с моей. Это всех устраивало, и наши расставания не носили трагического характера.

Женщина, которую я полюбил, была замужем, имела маленького сына. Её муж был старше меня на несколько лет. Мы были хорошо знакомы и, пожалуй, нас – его и меня – можно

было назвать друзьями. Он тоже кончил университет и работал в большой государственной страховой компании. В это время его назначили управляющим новым отделением этой компании в провинциальном университетском городе. Он предложил мне работу в этом филиале, я согласился и уехал вместе с ними в этот город. В нём я живу уже 22 года, работаю в этой страховой компании и люблю эту женщину. Все внешние события моей жизни уместились в одном абзаце. Надо ещё добавить, что люблю я безответно, что у меня были (и сейчас есть) другие связи, что я остался холостяком. О моей безответной любви безусловно знает муж и знают (или догадываются) все наши знакомые. Вероятно, в их глазах я смешон. Мне это отнюдь не безразлично, но сделать я ничего не могу.

Сейчас эта женщина перестала быть молодой, но для меня она столь же чарующа, как и тогда, когда я впервые её увидел. Муж её сильно постарел. Сын уже взрослый, собирается жениться. Других детей у неё нет.

О любви написано, вероятно, не менее миллиарда слов, и ничего нового я не скажу, хотя мне кажется (как и всем любящим), что мой случай – особенный. То же относится, впрочем, и к зубной боли. Любовь вне логики. Любят не за что-то или почему-то, а – просто любят. Объяснения, аргументы – придумываются позже. Я никогда ни к кому не испытывал ненависти, но думаю, что то

же относится и к этому чувству, что оно тоже первично, то есть не может быть обосновано.

2. Двадцать два года

К тому времени, когда я кончил Университет, угар начала войны давно прошёл, сменился угрюмым ожиданием конца – какого-нибудь конца. Я не захотел пойти на войну добровольцем. Я мог остаться при Университете (теперь это называется аспирантурой). Учился я хорошо и с удовольствием, и научная карьера казалась мне интересной. И, наконец, я мог поступить на работу. Выбор был большой, в конце войны всюду не хватало работников. Работа давала мне более обеспеченную жизнь, чем учёба, хотя, конечно, менее интересную. Я выбрал работу, и причина, как я уже написал, состояла в том, что женщина, которую я любил, переезжала в другой город, а я хотел жить вблизи неё.

Мы сидели втроём в кабинете моего друга. Она уложила малыша и несколько раз выходила посмотреть, как он спит. Мы говорили о войне, хотя сказать о ней было нечего. Но этот ужас давил на всех, и чтобы как-то о нём забыть, надо было о ней поговорить, как бы принести жертву. Затем он рассказал о том городе, откуда только вчера вернулся и куда они переезжали.

«Городок небольшой. 30 тысяч человек, примерно треть связана с Университетом. Три

завода, фабрика. Своя ежедневная газета. Город чистый, несмотря на войну – ухоженный. Большой парк около Университета, и кругом красивые места. Я жил в Университетской гостинице, очень приличной. Снял для нас хорошую квартиру, лучше этой и дешевле.» Жена перебила его каким-то вопросом о квартире, он объяснил, как расположены комнаты. Видно было, что он уже рассказывал, но её интересовали подробности.

«Решайтесь» – он обращался ко мне. «Разумеется, это не столица, провинция, но там молодому человеку легче пробиться, как-то заявить о себе. И потом – Университет, научная библиотека, Вы сможете продолжать свои научные занятия.» Затем мы заговорили о том, что я должен буду освоить бухгалтерское дело, так как сейчас ему нужен именно бухгалтер. «Но с математическим образованием это не сложно. А дальше – будет видно».

Во время всего разговора жена сидела тихо, попеременно глядя на него и на меня. Она не шила и не вязала, её руки спокойно лежали на коленях. Ей было комфортно во всех отношениях. Она сидела в удобном кресле, в соседней комнате спал сын, муж получил повышение. Молодой человек, сидевший около неё, т.е. я, был маленьким диссонансом в этой идиллической картине. Он любил её, и как всякая женщина, она это чувствовала.

На следующий день я объяснился ей в любви

– так это называется в романах. Я помню только её слова, а что говорил я – не могу восстановить. Наверное, банальные глупости, которые обычно говорят молодые люди, когда им нравится жена их друга. Ни в этом первом нашем любовном разговоре, ни в немногих других, которые были у нас за последующие 22 года, я не сумел найти какие-то настоящие слова. Всё, что я говорил, звучало театрально, неискренне. Может быть, вообще не существует слов, адекватных любви – во всяком случае, в современном обществе. Мы опять сидели втроём, на этот раз третьим был ребёнок, в её квартире, но не в кабинете, а в детской. Ребёнок играл в своём манежике и не интересовался нами. Он чувствовал, что мама рядом и что она спокойна. И она говорила спокойным голосом – может быть, чтобы спокоен был ребёнок, а может быть просто потому, что я её никак не взволновал.

После того, как я прочёл свой монолог, она немного помолчала, потом спросила: «Ведь я не первая женщина, которой Вы это говорите?» Я отвечал, как положено. «Ну, вот видите. Для Вас это игра, почти развлечение, что бы Вы не говорили. А мне Вы предлагаете сломать жизнь. Давайте забудем этот разговор и останемся добрыми друзьями.» Когда она говорила эти безразличные слова, в её голосе было всё же что-то напряжённое, и ребёнок испуганно взглянул на неё, но потом снова занялся своими делами. Я сказал, что приму предложение её мужа и поеду в тот

город, куда уезжает она, что я не могу не видеть её – и так далее.

Я был искренен, но слова мои были по-прежнему плоскими, безликими. Но она всё же почувствовала, что это для меня серьёзно, значительно серьёзнее, чем это выглядело. Она молчала долго, почти минуту. Потом взяла на руки ребёнка и сказала: «Нам пора кушать и спать. Вы молоды, сто раз одумаетесь, женитесь, будут дети. Зачем Вам начинать жизнь так сложно». Я повторил, что люблю её и никого более так не полюблю. Мальчик сидел у неё на коленях и играл кистями её платья. И тут, защищенная ребёнком, она сказала: «Я не могу запретить Вам любить меня и ехать за нами в провинцию.» Я встал, чтобы попрощаться. Но она добавила: «Жизнь длинная.» Я ушёл.

Только во время этого разговора я понял, что действительно поеду с моим другом в этот город. Тогда я не мог знать, что я в нём и останусь, вероятно, до конца жизни.

Идя домой, и потом, уже дома, пытаюсь восстановить её слова, я всё возвращался к испуганному взгляду ребёнка, которым он посмотрел на мать, когда она сказала: «Будем друзьями». А потом она сказала: «Жизнь длинная». Смысл этих слов был очевиден.

Любовь не заставила меня совершить безумный поступок. Мне повезло, что страховая компания открыла свой филиал не

в лесах Амазонки или на Северном полюсе, а в благополучном университетском городке. Служба в страховой компании была, может быть, и не самым лучшим решением, но ничего глупого в этом тоже не было. Я ничем особенным не жертвовал, переезжая в провинцию. Другие варианты имели свои недостатки. Безумием было то, что возможность иногда видеть любимую женщину была решающим аргументом. Любовь оказалось абсолютным приоритетом, старше логики, старше здравого смысла. Это описано в сотнях книг, но я всегда относился к этим описаниям как к красивым сказкам, позволяющим авторам продемонстрировать свой литературный талант, а актёрам – своё умение притворяться, что они испытывают сильную страсть. Я мог согласиться с тем, что это действительно может произойти с женщинами или с юношами, но не с взрослым, опытным, уравновешенным мужчиной. Я имею в виду именно любовь, а не животную страсть, вроде «амока» у Цвейга.

Тогда я и начал писать дневник. Он не сохранился, но его содержание и стиль я помню и повторяю их в этих записках. Уже тогда я почувствовал, что моя любовь – может быть именно из-за того, что она безнадежна – это моя судьба. Подарок или кара, счастье моё или моё горе – но это фон,

всегда существующее условие, как земное тяготение или необходимость есть и пить. Моя любовь к этой женщине не мешала мне все эти годы любить других женщин. Некоторые из них хотели меня на себе женить. Я был уже не студентом, а служащим солидной компании, человеком, хотя и с невысоким, но устойчивым положением. Но я остался холостяком. Не потому, что надеялся, что моей женой станет эта женщина. Но жениться на другой была бы изменой – не ей, а самому себе. Когда долго мечтаешь о чем-нибудь, то начинаешь любить саму мечту и не меньше боишься потерять её, чем не достичь цели. Всего лишь дважды за эти годы я говорил ей о своей любви. Хотя встречались мы часто, иногда в какой-нибудь компании, иногда вместе с её мужем. Часто встречались и вдвоём, муж не ревновал её или не показывал этого. Говорили о знакомых, о новых книгах и фильмах. Её основным свойством было спокойствие. Она была укутана им, защищена, как плотным плащом. Это было спокойствие человека, который находится в равновесии со своими желаниями. А если какое-нибудь желание могло это равновесие нарушить, но оно – желание – отсекалось. Я знал, что такое желание у неё есть – желание любить меня. Она любила сына и уважала мужа. Она хотела любить меня. Ей мешало не мое положение маленького чиновника и бедного человека. Ей мешал страх

перед любым активным действием. Она не ответила бы на мою любовь, даже если бы я был богат и независим.

Только в первом нашем разговоре она сказала «Жизнь длинная». Потом она одумалась. Страх пересилил.

Мы сидели в университетском парке. Она встречала сына из школы. Было воскресенье, в школе были не занятия, а какие-то спортивные состязания. Сыну было лет десять.

Она сидела, спокойно положив руки на колени. Был конец зимы, мы были в лёгких пальто. Мы говорили о моих занятиях. Все эти годы я не перестаю интересоваться математикой, участвую в семинарах в Университете, печатаю статьи в научных журналах. Одна из них была замечена. Однако я не собирался уйти из конторы и начать заниматься наукой. Это, во всяком случае, предполагало отъезд из нашего города – что было для меня невозможно. Действовал и действует сейчас – тот самый абсолютный приоритет, который меня в этот город и привёл.

Затем я пересказал ей, сидя с ней на скамейке в парке, какие-то университетские сплетни. Они были нам обоим не интересны, но мне было хорошо говорить с ней и знать, что и ей приятно сидеть рядом со мной и слушать меня. Разговор как-то затух. Мы молчали. И тут, неожиданно для самого себя, я сказал: «Я давно не говорил Вам о моей любви. Но я люблю Вас. И мне

хорошо. Жаль, что Вы не любите меня. Мы были бы счастливы». На мгновение мне показалось, что она ответит: «Я люблю Вас». Или что-либо подобное. И я знаю, это было бы правдой. Но она сказала: «Не надо ничего менять. Ведь нам и так хорошо. Не так ли? И потом, я знаю, Вы не одиноки». «Я не один, но я одинок» – неловко пошутил я. Она не слушала меня, она думала о чём-то, очень её мучавшем. И безразлично ей было, есть у меня кто-либо или нет. «Не надо счастья. Не надо. Надо просто жить.» Она встала и сказала: «Пойдёмте навстречу сыну. Ему уж надо бы прийти.» Мы пошли по дорожке. «Счастье, любовь, жизнь – какие ходульные слова», говорила она. «Ничего этого нет. Есть сын, муж, у Вас – работа, женщины. Есть эти деревья, небо. А все громкие слова – выдумки поэтов.» И добавила, улыбнувшись: «Хорошие выдумки. Красивые.» Я молчал, мне было хорошо, спокойно; мне оставляли мою любимую мечту. И вдруг, остановившись, она сказала: «Ведь мы всё равно умрём. И всё – напрасно.» Ей было тридцать лет, она была здорова, красива, богата. И – отравлена этой простой мыслью. Вдали показался её сын, но наш разговор всё равно был закончен. Против слова «напрасно» не существует возражений. Мы оба нуждались в утешении, и не могли помочь друг другу, хотя любили друг друга.

Почему мысль о смерти давила на молодую женщину, лишала её всякой активности, мешала

любить и быть счастливой? Это было наследие войны. Война кончилась, мирные договора были давно подписаны, но она опалила и надолго отравила многих людей, особенно молодых, даже если они и не видели убитых и не слышали разрывов снарядов.

Через несколько дней она мне рассказала, что молодой девушкой она была невестой юноши, своего сверстника, но они не успели пожениться, началась война и его как-то сразу убили. А через год она вышла замуж. Но мысль о смерти стала ей привычной. Эта мысль не лишала её спокойствия, но была для неё, по-видимому, таким же фоном, как для меня любовь к ней.

3. Событие

Так прошло ещё лет десять, без заметных изменений в нашей жизни. А потом начался, недели две тому назад, круговорот событий, свидетелем и даже участником которых я стал. Они не прошли для меня бесследно, и что-то в моём восприятии жизни изменилось. Вечером ко мне пришёл мой молодой знакомый, пожалуй – даже приятель. Богатый, не очень образованный, но весёлый, жизнерадостный. Он что-то сочинял, какой-то роман или пьесу, точнее – развлекал себя мыслью, что он сочиняет. Мы с ним встречались не очень часто, но были симпатичны друг другу, вероятно, именно противоположностью своих свойств. Меланхолик и

сангвиник, бедняк и богач, немолодой и молодой – и так далее. Он казался мне не очень нравственным и не очень сильным человеком. Он оказался человеком, лишённым нравственных устоев, слабым. Гораздо больше, чем он, мне нравилась его невеста. Я уже упоминал об этой девушке, которая научила меня читать Достоевского и Чехова.

Войдя ко мне, он с порога начал весёлым голосом: «Я скоро умру и хочу перед этим ещё поболтать и выпить с Вами». Он положил на стол свёрток, в котором оказались две бутылки хорошего вина, еда, фрукты. Он был богат и мог себе это позволить. «Поболтаем и выпьем» – ответил я, «а со смертью подождём. К ней на свидание ещё никто не опаздывал.» Мы сели в моём маленьком кабинетике-гостиной, накрыли стол, я поставил варить кофе, чокнулись, поговорили о качестве вина, и он начал говорить. То, что он рассказал, сначала показалось мне розыгрышем – не очень умным, но он и не был особенно умён. Постепенно, однако, я понял, что это не шутка и не пересказ фантастической повести. Я отбрасываю его комментарии, которыми он наполнил свой рассказ, запутывая и затемняя существо дела.

Состояло оно в следующем. В нашем городе несколько лет тому назад начал практиковаться молодой врач, приехавший из столицы. Мой друг лечился у него. Врач предложил ему стать объектом эксперимента, в результате которого он

будет знать предельный срок своей жизни. Он согласился. Он должен умереть не позже, чем через две недели. Два молодых и здоровых человека, которые тоже узнали свой срок, заболели и в предсказанное время умерли. Через две недели умрёт он. Что ему делать?

Первый и естественный мой ответ: «Не обращать внимания. Мало ли от чего могли умереть эти юноши. И вообще – это шарлатанство, и Вашему врачу должно быть стыдно пугать людей.» Он возразил: «Два случая из двух. Через две недели будет третий случай из трёх. Тогда и Вы поверите. А я верю уже сейчас. Что мне делать?» Я заговорил о странных случайных совпадениях, описанных в литературе, и так далее. Я и сам был смущён. Мы молча выпили кофе, открыли вторую бутылку вина. По моему молчанию он почувствовал, что я тоже поверил. Он был уже немного пьян. «Мне и страшно, и обидно. Почему – я?»

Я подумал о миллионах убитых на войнах, но они до последней минуты надеялись. Старики – те тоже знают, что скоро умрут. Но и у них каждый день остается надежда. А он боялся того – последнего – дня, когда надежды не будет.

Мы допили вторую бутылку. Я не знал, что сказать, как помочь ему. Любое утешение только ещё больше пугало бы его. Сказать, что он за свои 25 лет получил больше радостей, чем большинство людей получает за всю жизнь, даже если она длится

75 лет? Но что ему до чужой бедности и чужих бед, если его – его – больше не будет. Но надо было что-то говорить.

«Представьте себя стариком. Он знает, что умрёт раньше молодых, которые окружают его. Я уверен, что всё это ошибка, и таким стариком когда-нибудь будете и Вы. Разве старики испуганы и обижены?» Его ответ был точен: «У стариков нет такой жадности к жизни, как у меня.» Я не знал, что ответить. Я только ещё раз сказал, что не верю в существование биологических часов, привёл какие-то аргументы, которые мне самому показались не убедительными. Он поднялся, чтобы уходить. Я вызвался проводить его. На улице мы почти не разговаривали. Прощаясь у его дома, я попросил его передать привет его невесте. «Ах да, спасибо, обязательно», ответил он, как отвечают, когда напоминают о необходимости сделать что-то неприятное. И несколько раз, уже входя в свой подъезд, повторил. «Обязательно, обязательно». Я медленно возвращался по почти пустым улицам. Трагическая ситуация моего гостя меня не касалась. Он захотел поиграть с судьбой – и доигрался. Это была его проблема. Я был занят собой – и своей вечной проблемой, и своими текущими проблемами. Для того, чтобы искренне испытывать жалость к кому-нибудь, надо суметь представить себя на его месте. А этого я не мог, человек этот был мне внутренне очень чужим.

Однако его рассказ вызвал во мне

профессиональный интерес. Компания, в которой я работаю, занимается и страхованием жизни. Взносы клиентов зависят, разумеется, и от возраста. Старые люди платят больше молодых. Все расчёты основываются на статистике, на вероятности. Знание предельного срока жизни клиента кардинально изменило бы все методы расчёта. Я не мог сразу понять, как именно. Я собираюсь заняться этой проблемой. Может быть, я решу её и стану тогда не маленьким, а большим чиновником. Мне отнюдь не безразличны моя бедность и мой незавидный социальный статус.

Сначала, как мне казалось, я не заинтересовался возможностью узнать и свой срок. Однако желание заглянуть в эту бездну возникло у меня, по-видимому, всё же сразу. Оно постепенно усиливалось. Я решил пойти к этому врачу – предсказателю. Я притворялся перед самим собой, что это – чисто профессиональный интерес служащего страховой компании.

Мой знакомый свёл меня с врачом. Редко к кому я испытывал такую антипатию, как к этому молодому человеку. Хотя вид у него обычный, говорил он мало, только по существу, был вежлив и внимателен к собеседнику.

Однажды я застал у него незнакомого мне парня, кажется, парикмахера, с которым он обсуждал какие-то богословские вопросы. Я пробыл у него недолго, мне нужно было только уточнить некоторые детали приёма препаратов,

которые он мне дал, чтобы поставить на мне свой очередной опыт. «Вот видите», сказал врач своему гостю, «солидный господин, служащий страховой компании, согласился проделать эти процедуры, а Вы не хотите.» Парикмахер ответил: «Это его дело. Но этого нет в Библии и делать это не надо». «Это есть в Библии, я же Вам показывал это место». «Я сам знаю Библию», – парень был явно раздражён, даже агрессивен, «и там написано не это. Нам не надо выдумывать, надо читать, как написано». Не знаю, о каком месте Библии они спорили, и какое это имело отношение к биологическим часам. Я далёк не только от богословия, но и от религии вообще. Я получил инструкцию и ушёл. В следующий свой визит к врачу я спросил у него, кто это был. Его ответа я не понял... «Он не хочет быть, как Боги, а хочет, как животное.» Это было сказано не как брань, а как диагноз, без осуждения. Впрочем, этого парня я больше не видел и, вероятно, никогда не увижу. И врача, надеюсь, тоже. Может быть, моя к нему антипатия была на самом деле страхом преступника перед судьей, готовящимся произнести приговор.

4. Отчаяние

За несколько дней, которые продолжался мой опыт, я перестал относиться к нему, как математик, и стал просто человеком, который, как любой человек, боится смерти.

Приговор был милостивый. Я мог не думать о нём ещё примерно десять лет – так я подумал, когда узнал его.

Я ошибся. Уже почти неделю я думаю о нём. Это стало моим вторым фоном, моей постоянной мыслью – как та, первая, которая поразила меня два десятилетия тому назад.

Я пытался избавиться от этой мысли, как от наваждения. Я издевался над собой: «Любовь и смерть. Какое оригинальное сочетание! И что, собственно, произошло? Я же и раньше знал, что я не бессмертен». Но ни ирония, ни логика не помогали. Знание точной даты давило на меня, и с каждым днём всё больше. И с этим я должен жить почти до старости. Я понял отчаяние моего молодого друга.

На прошлой неделе я вечером пошёл к нему. Я надеялся, что мы сможем помочь друг другу, хотя бы тем, что поймём друг друга. Ведь в первом нашем разговоре я не понял его; поверил в его отчаяние, но не понял. А теперь – понял.

В его квартире я застал человек десять мужчин разного возраста. С некоторыми из них я был знаком, других видел в кино или в библиотеке, некоторых никогда не видел или не помнил. На столе стояли бутылки, вина было много. Представляя меня, хозяин сказал: «Ещё один смертный; он тоже заглянул в эту бездну и видел дно.» Выражение было алогично, но образ показался мне удачным. Это всё были люди, над

которыми врач проделал свой опыт. Они знали о смерти тех двух молодых людей и верили в свой приговор. Я разговорился со своим знакомым, чиновником примерно моих лет. Он сказал, что наихудший приговор у нашего хозяина. Ему оставалась неделя; я это уже знал. Многим, как мне и моему собеседнику, оставались годы и даже десятилетия. Все были возбуждены, некоторые даже агрессивны. Они много говорили, но почти не слушали друг друга. Начинались и быстро заканчивались споры, переходящие иногда в перебранки, но они не интересовали даже самих участников ссоры. Это было не общество – все были заняты только собой, своими мыслями и своими словами. Они напоминали толпу у остановки автобуса, когда автобус задерживается. Как и люди в такой толпе, гости в этой квартире были неинтересны друг другу. Их связывало что-то внешнее, общность в каком-то очень важном для каждого из них деле. Они ждали автобуса.

Я попробовал поговорить с хозяином дома, но это было невозможно, нам всё время мешали. В этой бесформенной толпе были всё же две точки притяжения. Относительно более спокойные люди тяготели к хозяину дома, более агрессивные – к ещё более молодому человеку, кажется, студенту. Он всё время влезал на стул и что-то кричал, будто был на митинге, а не в доме. Ему обещаны ещё десятилетия, но он был возмущён, обижен, и уже ненавидел весь мир. «Если бы я мог, я потушил бы

Солнце» – эти дикие слова он повторил при мне дважды.

В какой-то момент, как по сигналу, вся компания вышла на улицу. Дом стоял на бульваре, и толпа пошла по нему. Они шли в том же направлении, куда надо было и мне, но мне было настолько неприятно быть с ними, что я прошёл только несколько сот метров и свернул в переулок. Моего ухода никто не заметил.

Толпа разбилась на две группы. Более спокойная часть шла по середине бульвара. Они пели какую-то песню, последний кино-шлягер. Более агрессивная часть шла по газону, топчав траву и цветы и ломая кустарники. Они тоже что-то пели, но настолько вразнобой, что слова понять было нельзя. Кажется, это была какая-то похабщина. Они вели себя, как пьяные молодые хулиганы в отсутствие полиции, хотя не были ни молодыми, ни хулиганами, ни особенно пьяными. Полиции действительно не было, не было также и прохожих, время было позднее, но обычно в тёплые ночи на бульваре всё же гуляют люди.

На следующий день – это было третьего дня – я опять пришёл к моему молодому приятелю. Он был один и мы могли спокойно поговорить. Спокойно – в том смысле, что нам никто не мешал. Разговор был сумбурным, мы никак не могли услышать друг друга, каждый слушал только себя. Он рассказал мне, что расстался со своей невестой и надеется, что она не очень огорчена. «Красивая,

умная – она не останется одна», сказал он. Я перевёл разговор на поведение его гостей на бульваре накануне ночью. «Зачем ломать кустарник и мять цветы?», спросил я. «Ведь многие ещё десятилетия смогут ходить по этому бульвару.» «Да», ответил он, «Но им не хочется, чтобы были цветы, они потеряли умение любоваться цветами. Они заняты собой.» Затем он опять заговорил о себе. «Мне не стыдно, что я мешаю жить другим людям. Я их не люблю, точнее – мне они не интересны. Если бы я мог, я потушил бы их мир вместе с моим миром, с моей жизнью.» Он говорил ещё и ещё, повторяясь и всё более возбуждаясь. Я уже почти не слушал его. Мне надо было остаться одному, что-то додумать из его слов. Я ушел.

5. Выздоровление

Этот юноша дал мне ключ к спасению от наваждения, от давления этой мысли. Он не любил никого, даже своей невесты – и она стала ему неинтересна. А я – люблю, и я подарю этот мир женщине, которую я люблю. Пусть не через неделю, а через десять лет, но я дарил, оставлял наследство. Мир не кончится со мной. Мне не надо бояться этих десяти лет. За ними не наступит пустота.

Вчера я был у неё. Мы пили чай. Ненадолго заглянул её муж, тоже выпил чаю и ушёл в свой

кабинет. Чай унесли. Мы молчали. Мне было хорошо. Я чувствовал себя, как, должно быть, чувствует себя ребёнок, выздоровевший от тяжелой болезни и притом узнавший, что его любимая игрушка не потеряна и ждёт, когда он вновь начнёт играть ею.

«Со вчерашнего дня я люблю Вас даже больше, чем раньше», сказал я. Она взглянула на меня с испугом. «А что произошло вчера?» «Вчера я понял, что действительно люблю Вас.» «Вы всё шутите и пугаете меня. Вы уже двадцать два года как любите меня – по Вашим словам.» Мне было приятно, что она не сказала «двадцать лет». Значит, она тоже всё помнит и считает годы.

Я рассказал ей всё. Я говорил спокойно, неторопливо, выбирая точные слова. И почувствовал, что она – не понимает, т.е. она понимала всю фактическую сторону – про врача, про биологические часы, про смерть двух юношей, про вандализм солидных людей. Но она не понимала, почему я потерялся, узнав свой предельный срок, и почему сейчас я так спокоен и – это было видно по мне – счастлив.

Про ночные скандалы на улицах она знала, о них уже писали обе наши газеты. «Почему же Вы испугались?» – всё спрашивала она. «Ведь – не скоро. Что же заранее пугаться. Да и изменится всё тысяча раз до тех пор. Вот, пишут, будет война. Опять будут убивать и умирать сотнями. Переживём ли мы её – её и то, что бывает, как Вы

знаете, после войны.» Её сын мог попасть на войну, и она думала об этом. Я отвечал, что войны не может быть, объяснял, почему, и это заинтересовало её больше, чем мои страхи, так как позволяло ей оставаться спокойной. Даже ей, человеку мне духовно близкому, любящему меня, я не мог объяснить, почему мне было плохо и почему мне перестало быть плохо и как она помогла мне – просто тем, что – была.

Завтра я хочу поговорить с бывшей невестой моего молодого приятеля. Я иногда бываю в доме её родителей, это открытый дом, интеллигентная, дружелюбная семья. Может быть, я дам ей почитать этот дневник. Ей многое в нём должно быть небезразлично, вся эта история больно задела её. Может быть, она поймёт меня. А может быть, мой дневник ей в чём-то поможет. Вероятно, она найдёт аналогию в каком-нибудь русском романе.

А я продолжу дневник через неделю. У меня ещё много лет впереди.

В. Плоды дерева жизни

Простота... всего нужнее людям

Но сложное понятней им.

Б. Пастернак

Зала в университетской гостинице. Стол, кресла, стулья. Телефон. Середина 90-х годов, лето, примерно 17 часов.

1. Три старика

Шум отъезжающей машины. Входит женщина (76 лет) и мужчина (30 лет). Хорошая, не броская одежда. Она садится в кресло, он стоит, опираясь на спинку стула.

Она После того, как умер мой муж, во всей нашей грандиозной семье остались только три нормальных человека – твоя дочь, ты и я. Остальные прыгают по земному шару, как белки. Ну, зачем твой сумасшедший отец поехал на целый месяц на край света? Ему было бы интересно посмотреть на город, в котором он родился. А тебе этот город понравился?

Он Да. Было бы невежливо говорить, что ты провела молодость в провинциальной дыре. Но городок и в самом деле очень милый. И 60 тысяч жителей – это всё же не деревня.

Она И, между прочим, Университет. И притом старейший в этой стране.

Он В котором, между прочим, училась одна молодая особа,

ставшая потом автором
нескольких учёных книг.

Она Если бы не бесконечное
количество сыновей, внуков и их
бесчисленных жен, то книг было
бы больше.

Он Ладно, ба. Так ты не хочешь дождаться
здесь этих трёх старых джентльменов.

Она Они не джентльмены. Во всяком
случае, один из них. Нет, я появлюсь,
как богиня Афина, в самый эффектный
момент. А сейчас я пойду в свой номер
и отдохну. Если я задержусь, вызови
меня по телефону.

Он А ты не боишься, что без тебя они
меня съедят?

Она Нет, господин профессор, не съедят.
Они только притворялись сильными
тогда, полвека назад. А на самом деле
были трусливы. Кроме, конечно, врача.
А ты не трусь так откровенно. Стыдно
смотреть.

Он Ладно, не буду так откровенно.

Она уходит. Он ходит по комнате. Шум
подъезжающей машины. Он
подходит к окну.

Он А, так вот как он выглядит. Элегантен.

Шум отъезжающей машины. Входят три старика.
Первым -бывший парикмахер (82 года), крепкий,
ходит быстро, говорит громко. Одет не богато, но
добротнo, чисто. Второй – бывший поэт (81 год),
хорошие манеры, тоже крепкий, здоровый. Одет
хорошо. Третий – бывший врач (79 лет), входит
через несколько минут после первых двух.
Дряхлый, опирается на палку, плохо одет;
немножко пьян.

Парикмахер Здравствуйте, господин
профессор. Вы должны были
предупредить меня, что я встречу
здесь этого
сумасшедшего врача. Я бы не
приехал.

Профессор Здравствуйте. Садитесь,
пожалуйста.
[к поэту] Здравствуйте, садитесь,
пожалуйста.

Парикмахер садится за стол, в центре залы. Поэт –
в кресло у окна.

Поэт Это – университетский сад так
разросся? Я ничего здесь не
узнаю.

Профессор Не знаю. Я здесь раньше не
бывал.

Входит врач.

Врач Здравствуйте, господин профессор. Я не знал, что лифт не останавливается на втором этаже, и заблудился в коридорах.

Профессор Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

Врач садится в кресло, ближайшее к двери.

Профессор Простите, Вы бывший врач!

Врач Да.

Профессор [к Парикмахеру] А Вы – бывший парикмахер.

Парикмахер Да. Бывший. А как Вы догадались?

Профессор Это было нетрудно.

Говорит, стоя в середине зала.

Я благодарю вас, господа, что вы нашли возможным принять моё приглашение. Нам надлежит обсудить события, произошедшие в этом городе более полувека тому назад, ещё до войны. Нам предстоит длинный разговор. Каждому из вас заказан номер, оплаченный, как и любая еда.

Хотите ли вы сначала отдохнуть в своих комнатах, или мы сразу можем начать? Кофе, пиво и лёгкую закуску нам могут принести сюда.

Давайте, начнём.

Давайте, начнём.

[к Поэту] Вы не возражаете? [Поэт кивает]. Я попрошу принести кофе. Извините.

Парикмахер

Врач

Профессор

Уходит.

Поэт[Врачу]

Вас я узнал сразу, ещё когда этот юноша, представившийся ассистентом профессора, встретил нас на перроне и сажал в машину. А Вас [к Парикмахеру] я не помню.

А я Вас узнал. Конечно, не помните. В то утро, когда мы встретились в первый раз, Вы и себя не помнили.

А, понимаю. Вы были в той – ну, скажем, команде, которая всех расстреляла.

Я был её начальником.

Да, он был самым главным в этой банде.

Не надо теперь браниться. У меня больше оснований браниться, чем у Вас.

Этот профессор, однако, затеял

Поэт

Парикмахер

Врач

Парикмахер

Поэт

неплохой спектакль.

Входит профессор, за ним официант катит тележку с кофе, пивом, бутербродами. Ставит её около стола. Уходит.

Поэт [Профессору] Я говорю, что Вы затеяли неплохой спектакль, господин профессор.

Профессор Прошу, господа, берите, кто что хочет. [Поэту] Нет, это не спектакль, а научный симпозиум, и в нём участвуют наиболее компетентные специалисты.

Врач Спасибо.

Он подходит к столику, берёт бутерброды и бутылку пива. Не ясно, относится ли его реплика к угощению или к словам профессора. Профессор и парикмахер берут кофе, поэт – пиво. Едят.

Парикмахер Так что же Вы хотите, профессор?

Врач Простите, профессор. Вы выглядите очень молодым для профессора. Сколько Вам лет?

Профессор Я родился через 20 лет после войны. Я не так уж молод.

Парикмахер Мой внук тоже родился в 65 году. Я его никогда не видел. У него парикмахерская в этом городе.

Врач Вы могли бы быть моим внуком, если бы у меня были дети.

Профессор Мог бы. Приступим к нашей теме. Позвольте мне коротко изложить суть проблемы. Затемнение.

2. Вторая попытка

Через час. Парикмахер сидит на прежнем месте, врач – у окна, профессор – у стены. Поэт ходит.

Поэт Это было ужасно и восхитительно. Я был почти безумен, и это было счастьем. А теперь Вы говорите, что всё было ошибкой, что предсказать задолго нельзя. Или тогда нельзя было. Что же, всё это было фарсом?

Профессор Ничего себе фарс. Четырнадцать убитых.

Парикмахер На войне бывает и больше. И тоже часто по ошибке.

Поэт Я потерял невесту. Все трое мы бежали из города, наши жизни сломались. [К врачу] Вы виноваты, Вы. Почему Вы молчите?

Врач Я не виноват. Вы оказались человеком слабым и без нравственных устоев. Вы и Ваши друзья. И он [показывает на парикмахера] не виноват. Он защищался.

Он встал и опять сел в кресло.

Профессор [Встаёт] Подождите, господа. При чём тут виноватые. Со старым мы никогда не разберёмся. Вопрос в другом. Что делать сейчас, когда мы научились предсказывать не на 2-3 недели, как умели, оказывается, Вы [в сторону Врача], а на 2-3 года. В опытах на животных это доказано. Теперь Правительство согласно финансировать опыты с добровольцами. Начинать ли мне эти опыты?

Парикмахер Нет, ни в коем случае.

Врач Да, обязательно.

Поэт Не знаю, очень страшно. И отказаться страшно.

Молчание.

Профессор Ну, что же. Спросим оракула [подходит к телефону, набирает номер]. Ты уже можешь спуститься к нам? Нет, не съели. Спустись, пожалуйста, помоги нам. Нужен истинно мужской совет.

Врач

Не знаю, кто придёт в качестве судьбы и что он скажет, но сделать попытку Вы обязаны. Обязаны.

Профессор

Этот аргумент я не понимаю. Перед кем обязан? Перед человечеством? Оно сейчас энергично готовится к следующей большой войне, и мой опыт потеряется в миллионах смертей. Или, пожалуй, теперь уже в миллиардах.

Врач

Всё равно – обязаны. Перед своими детьми – которые есть или будут.

Профессор

Одна уже есть. Очень удачный экземплярчик.

Входит Она. Врач и парикмахер встают. Поэт останавливается в середине комнаты. Она подходит к нему и обнимает его. Он обнимает её.

Она

Дурачок. И как ты постарел. Я, впрочем, тоже.

Поэт целует ей руку, потом целует её. Подводит к креслу, она садится, он садится на стул рядом.

Поэт

Как ты сюда попала?

Она

[Показывая на профессора] Меня пригласил господин профессор. Он, между прочим, мой внук.

[Улыбается] И твой тоже.

Поэт вскакивает, снова садится.

Поэт Почему ты мне тогда не сказала?

Она Ты не спросил.

Поэт Сын?

Она Сын. И у меня ещё три сына.

Поэт А у меня никого нет. А где он?

Она Поехал в свадебное путешествие с третьей женой. Молодой. Такой же бабник, как его отец.

Поэт Я не бабник.

Она Позволь мне знать.

Молчание.

Врач Господин профессор, а не заказать ли Вам шампанское. Ситуация подсказывает.

Профессор Да, Вы правы. Извините.

Уходит.

Затемнение.

3. Оптимизм как религия

Через час. Все сидят за столом. Она – в центре, около неё – поэт и профессор. Парикмахер – около профессора, врач – около поэта. Официант

собирает посуду.

Профессор Принесите, пожалуйста, ещё шампанского и фруктов.

Официант уходит.

Она Я не согласна с Вами, господин капитан.

Парикмахер Отставной капитан, мадам, уже много лет, как отставной.

Она Война будет. И большая война. Ей уже даже придумали название: «Третья мировая война».

Парикмахер Большая война невозможна, и связано это, как ни парадоксально, с развитием военной техники. В конце той войны были придуманы два новых способа убивать людей – атомная бомба и ракеты. За пятьдесят лет, прошедших после неё, талантливые учёные и инженеры усовершенствовали эти способы, и политики обеспечили возможность проверить часть этих способов и некоторых других усовершенствований в нескольких малых войнах. И

сейчас, в середине девяностых годов двадцатого столетия, большая война стала невозможна. Страна, начавшая войну, не сможет защитить от ответного удара свою собственную территорию и своё население. Ракету с ядерной бомбой остановить нельзя.

Входит официант с тележкой с шампанским, фруктами. Уходит.

Парикмахер

Большая война теперь окончилась бы не победой и поражением, а взаимным уничтожением; победителей в ней не будет. Сколь бы ни были безумны правители, чувство самосохранения они не потеряли. Ни один из них не хочет для себя судьбы фюрера или страшной участи дуче. Поэтому вся сегодняшняя шумиха – это просто брань. Простите столь длинную речь, но я профессиональный военный и знаю, что говорю.

Она

То же говорили и писали перед той войной.

Профессор

Врач

Тогда не было бомбы.

Война будет. Дело не в оружии и даже не в правителях. Дело в людях. Я работал врачом в десятке войн последние полвека. Врач знает о людях на войне иногда больше, чем офицер. Дело в людях. Они не изменились. Они не стали ближе к богу. Они так же завистливы и трусливы, как прежде, а потому так же жестоки. Я согласен. Дело в людях. Люди рождены для радости, они хотят любить женщин и играть с детьми, а вместо этого они убивают женщин и детей. И сами не понимают, почему они это делают. Но остановиться не могут.

Поэт

Она

Не все люди. Только мужчины. Мужчины – большинство мужчин – не умеют любить, и это делает их подобными животным. Женщины – большинство женщин – умеют любить, и это делает их подобными богам.

Парикмахер

Подобными Богу, мадам. Бог один.

Профессор

[Врачу] Это не совсем то, что Вы писали о шаге, приближающем к

Врач

Богу.

Да, не совсем то. Но может быть путь, который выбрали женщины и о котором сказала мадам, вернее приведёт к цели. Кто знает, какие на самом деле плоды растут на дереве жизни в Раю. И что значат библейские слова «жить вечно».

Поэт

А может быть, это всё же одно и то же. Близость к Богу – это и есть умение любить, т.е. радоваться, отдавая. И все пути отличаются только в нюансах, в полутонах.

Парикмахер

Простите, мадам, простите, господи, но я перестал понимать, о чём мы говорим. Так надо ли профессору ставить опыты на добровольцах, или это безбожно, как я думал и думаю? Он умеет предсказывать предельный срок жизни человека, если этот срок наступит раньше, чем через два года. Как вы думаете, что будет делать те, которым выпадет плохой жребий? То же, что делали Вы [к Поэту] – они будут разрушать. Вы сами говорите [Врачу], что люди не изменились. А я – что, я опять должен буду их

Она

расстреливать? Не надо ставить этот опыт, не надо ещё раз искушать судьбу.

Надо. Простите, милый капитан, надо. Надо пробовать. Надо исповедовать оптимизм. Я верю, что на этот раз ни он [на Поэта], ни тем более его жизнелюбивый сын, ни его учёный внук не станут разрушать мир. И я не стану. У нас есть для кого его сохранить, [к Поэту] Дорогой, наполни, пожалуйста, бокалы: у меня есть тост.

Поэт наполняет бокалы.

Она

Молодец, у тебя не дрожат руки. У меня был знакомый, страховой агент. Ты [к Поэту] хорошо знал его. Вы [к Врачу] обещали ему десять лет жизни. Вы [к Парикмахеру] убили его. Он не стал разрушать, у него не возникла эта потребность. Потому, что он любил. Поэтому мир для него не кончался с его смертью. В этом году ему исполнилось бы сто лет. Давайте, выпьем в память о нём. Он был

самый великий философ
уходящего столетия, хотя
числился в нём маленьким
чиновником.

Занавес.

Г. Через сто лет

Я – та самая старшая правнучка моей прабабушки, которая не могла понять, зачем Пушкинской старухе нужно корыто. Теперь мне уже пятьдесят лет, я дважды бабушка. Я профессиональная писательница, пишу романы в стиле Диккенса. Теперь это опять востребованный товар, опять печатают серьёзную литературу, и многие читают книги.

Начало моей сознательной жизни примерно совпало с началом двадцать первого столетия. Последние 30-35 лет я уже понимаю, что происходит в мире. Как и предполагали футурологи второй половины прошлого века, наука развивается темпами, которые раньше называли стремительными. Биологи поняли, каким образом живет и управляется колония муравьев. С пчелами ещё много не ясно, там система взаимодействия особой сложнее. Физики спорят, когда был предпоследний Большой Взрыв, когда будет следующий, и почему мир так строго периодичен. Астрономы обнаружили астероид, представляющий собой алмаз величиной с Собор Парижской Богоматери, и теперь думают, как его поймать. Сам он на Землю падать не собирается. Не ясно, как его делить между государствами – если его удастся

поймать.

Изменилась военная технология. Никто уже не угрожает соседям бомбами и ракетами. Военные инженеры утверждают, что могут вызвать направленные ураганы и даже землетрясения.

Террористы перестали взрывать себя и окружающих – после того, как удалось заставить журналистов перестать подробно описывать теракты, и, главное, называть имена и организации. Кому охота убивать и умирать, если об этом узнает только несколько сот человек. У них теперь новая угроза. Выведена бактерия, которая «питается» золотом – превращает слитки в мелкую пыль и газ. Если этой бактерией заразить хранилища золота, то лет через двадцать они будут пусты. Что тогда будет – никто не знает.

Несколько неожиданно прекратилось безумие, называемое «освоением космоса». Никаких полетов на другие планеты не планируется. Наконец договорились не тратить деньги и ресурсы ради престижа и неопределенных военных преимуществ в далеком будущем.

Уже давно нет больших войн, больших терактов. Политологи говорят, что «человечество поумнело». А историки напоминают, что такое – уже было, а потом опять наступало кровавое безумие. Мне это не безразлично – у меня дети и внуки.

Мой муж и мои сыновья потребовали от меня, ссылаясь на мою профессию, чтобы я привела в порядок письма, дневники и записи, сохранившиеся в семейном архиве, относящиеся к событиям, начавшимся в августе 1939 года в «провинциальном городке одной небольшой Европейской страны», как пишет мой отец. С тех

пор прошло сто лет. И прошло 44 года с того странного «научного симпозиума», который он организовал в этом городе. Тогда началась «вторая попытка» реализовать некую идею, и эта попытка, как известно, удалась.

Сама идея существования предельного срока жизни любого живого существа сегодня практически общепринята. Во многих странах этот предельный срок определяется в первые сутки после рождения ребенка, и соответствующая дата впечатывается в удостоверение о рождении сразу под датой рождения. Мой отец был бы доволен. Процедура определения этой даты названа его именем.

Проблема, которая казалась необычайно важной сто лет тому назад – как жить, зная свой предельный срок – как-то сама собой разрешилась. Во всяком случае, об этом не говорят; Мои сыновья никогда об этом не упоминают. И, тем более, с ней не связаны никакие социальные потрясения.

Я вижу два объяснения этого безразличия к вопросу, едва не вызвавшему мятеж в одном, отдельно взятом европейском городе.

Во-первых, много десятков миллионов насильственных смертей во Второй войне, в гражданских войнах, в геноцидах и т. д. – притупили реакцию людей на смерть. Она стала обыденной, почти как насморк. Во-вторых, отношение людей к смерти изменилось после принятия в большинстве стран закона, в нашей стране называемого «Закон о праве на безболезненный уход из жизни». Этот закон, как известно, обязывает медицинские учреждения обеспечивать – по просьбе больного – инъекцию смертельной дозы соответствующего препарата.

Этим правом могут воспользоваться все безнадежно больные, желающие умереть без предсмертных страданий. На самом деле мы боимся не смерти (она будет после нас, когда нас уже не будет), а мучительного умирания. Этот закон гарантирует нам возможность – при желании – избежать этих мучений и до конца сохранить самоуважение. Так что бояться нечего.

Впрочем, может быть причина в том, что бурное первое десятилетие этого века исчерпало наш запас эмоций, и наступил период, когда почти всем почти всё безразлично. Эмоциональный рельеф стал гладким.

Нет уже того студента, который так обиделся на весь мир, что погасил бы Солнце. И, безусловно, нажал бы на кнопку в цирке, чтобы праздник жизни кончился не только для него, но и для всех. И нет той любви, которая, как уверяла моя прабабушка, смогла бы примирить его с неизбежным. Если это как, и мы живем сегодня в период «спокойных эмоций» (как бывают периоды «спокойного Солнца»), то интересно, что будет, когда этот период кончится. Начнутся «роковые сороковые»? Посмотрим. Во всяком случае, геологическая проблема, волновавшая молодого врача 100 лет тому назад, сейчас кажется надуманной, и, может быть, теперь заинтересует только историков религии. И поэтов.

Эта повесть выглядит как рассказ о борьбе двух идей. И о борьбе двух носителей этих идей – врача и парикмахера, героя и антигероя. Формально, сначала победил парикмахер, затем победил врач. На самом деле, победило, как всегда, время.

Идея потеряла актуальность, предмет спора

постепенно стал забываться – и на сцене ходили, говорили и действовали мужчины и женщины, молодые, старые, умеющие любить и лишенные этого дара, счастливые и несчастные, добрые и недобрые. Меняются декорации, люди носят другие одежды и иначе выражают свои мысли, читают Диккенса или слушают песни Гомера, обсуждают сплетни Викторианской эпохи или перипетии Троянской войны – это те же люди, те же мужчины и женщины.

Поняв это, я уверенно взялась за работу, навязанную мне мужем и сыновьями.

1995 – 2010
Москва – Нагария (Израиль)